

Ульянова М.А.

МАТЕРИАЛИЗМ И «ОСВОБОЖДЁННАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ» ЧЕЛОВЕКА В ТЕХНОГЕННОМ МИРЕ

Эпоха Просвещения совершила переход к новому типу культуры. При этом источник света (во французском языке слово «просвещение» звучит как свет – «lumière») новая культура видела в разуме, а не в вере. Основным поставщиком рационального знания объявляются опирающиеся на эксперимент науки, а также очищенная от предрассудков и «идолов» философия и реалистически ориентированное искусство.

Основные идеи Просвещения: свобода, равенство, разумное устройство общества овладевали всеобщим вниманием. Культивируемая в данную эпоху разумность проявляется как культ нормы в искусстве и светской жизни, ориентирует на рафинированные античные идеалы и культ целесообразности и нормативного порядка.

В эпоху Просвещения стремительно развивается и достигает своего пикового значения материализм, который способствует не только реабилитации человеческой «естественной природы», но и оформлению основных противоречий освобождённой сексуальности. В морально – нравственном аспекте материализм Просвещения связывают с утилитарным и прагматическим отношением к действительности, поэтому материализм, как правило, характеризует ментальность людей, которые желают в основном материального богатства, телесных удовольствий и чувственных наслаждений. Моральное учение Нового Времени проповедовало индивидуализм, свободу и независимость личности. При этом Просветительский призыв следовать человеческой природе понимался весьма широко: от концепций разумного эгоизма до проповеди аморализма, пороков и преступлений, как проявлений всё той же человеческой природы.

Центральное место в трудах философов – просветителей (Дидро, Руссо, Вольтер, Ламетри) отводится природе, и прежде всего природе человека. Человек становится предметом наблюдения и анализа; и его проблемы, в частности психофизическая проблема «тело – душа» рассматриваются в свете материалистических тенденций.

В философских трактатах Гельвеция человек предстаёт как природный и естественный. Ламетри, основывая свои суждения на открытиях и достижениях наук (в том числе медицины), считает, что человек есть «самозаводящаяся машина», все процессы обусловлены причинно-следственными связями: мысли, эмоции, побуждения исходят из его материальности и являются результатом механического взаимодействия. Души как нематериальной субстанции не существует, поэтому следует по-новому взглянуть на мораль. Мораль не может быть выявлена из религиозных догм, поскольку жизни вечной не существует, а сама мораль существует постольку, поскольку нравственное чувство врождено, а нравственный закон – закон природы.

Для французского материализма эпохи Просвещения характерен гедонизм. Критерий счастья и цель жизни нужно искать в материальном мире и материальной природе человека. Таким критерием выступает чувственное наслаждение, которое и является для человека главным. Нравственность – понятие вымышленное, совесть бесполезна, а люди нравственны постольку, поскольку ищут наслаждения.

Важно отметить, что наслаждение носит в первую очередь телесный характер, выступает как наслаждение плотское. И, поскольку мораль в философии материализма не зависит от религиозных канонных, сексуальность освобождается от религиозных табу.

Начиная с эпохи Просвещения общественная жизнь в целом приобретает светский характер и сексуальность получает нравственную оценку в зависимости от установленных светским обществом норм. Человек становится сам себе интересен. Возникает такой философский феномен, как субъективность. По мнению Фуко, именно в 18 веке человек обретает сексуальность как факт сознания, а не только плоти. Сексуальность тем самым выступает в виде комплекса социальных представлений, интериоризованных в сознание субъекта.

Сексуальность, понимаемая в 18 веке лишь как телесная страсть, физиологическое желание, «раскрепощается», стремится проявиться во всё более разнообразных формах и в совершенстве техники; реализуется до пределов, потому как вынуждена ограничиваться рамками возможностей физического тела.

Характерные черты сексуальности можно проследить на примерах произведений Казановы и жизни маркиза де Сада, а также литературного персонажа Дон Жуана. [3, с. 671].

В своё время запрещенный писатель, маркиз в своих литературных трудах описывает всевозможные извращения: инцест, педофилию, содомию, некрофилию, гомосексуализм. Главные герои в произведениях де Сада характеризуются выраженной тягой к пороку, жестокостью, насилием. Гедонизм, требующий всё более сильных ощущений, в конечном итоге приводит к бесчувственности, безразличию, скуке, избавить от которых могут лишь страдания, собственные и чужие. «Феномен маркиза де Сада в культуре – это доведенная до пароксизма чувственность, когда не остаётся иных стимулов для неё, как использование боли, зла, смерти, дающих наслаждение лишь одному партнёру. Другой становится жертвой и уже не эротических, а агрессивных влечений. Наслаждение злом, страданием, муками партнёра остаётся последним уделом, способным поддержать угасающий, истощённый эротический интерес. Даже флагелляция уже не в силах пробудить пресыщенную личность. Эрос и агрессия составляют единое целое как никогда» [4, с. 93]. Таким образом, Сад пародирует гедонистическую направленность сексуальности в 18 веке, базирующуюся только на поиске удовольствия, когда единственным мерилем реальности являлось ощущение.

Современником де Сада был талантливый авантюрист и любовник Казанова, для которого смыслом мира является радость наслаждений и удовольствий. Сексуальная страсть Казановы, концентрирующаяся в рамках только телесного (животного), постоянно толкает на поиски нового, иного телесного опыта. Цвейг пишет, что такой широте интересов должна соответствовать ничтожнейшая глубина души. Также С. Кьеркегор по этому поводу отмечает, что личность развивается в постижении новых вариантов только в случае самоуглубления и

рефлексии по поводу собственного «Я», чего не скажешь о Казанове.

С. Цвейг отмечает, что Казанова не был влюблён ни в одну из женщин, лишь в их совокупность. Но любить «совокупность», женское вообще – разве не считается любовью? Ответить на этот вопрос можно, обратившись к образу Дон Жуана, начинающему свою предысторию в испанских средневековых легендах о грешниках и еретиках, прошедшему ряд трансформаций от развратника и злодея (Тирсо де Молина, Мольер) до романтического героя, поэта и художника (Кьеркегор, Гофман, Байрон). В произведениях отражен парадокс взаимосвязи сексуальности и морали. Страсть и непреодолимое влечение к женщине движет Дон Жуаном. Но он вынужден существовать в обществе с его законами. Гофман называет Жуана «любимым детищем природы», наделённым всем для того, чтобы возвыситься над «фабричными изделиями, пачками выпускаемыми из мастерской». «Дон Жуан – натура исключительная, романтический герой, который противопоставляет себя пошлой толпе с её мещанской моралью и с помощью любви пытается преодолеть разрыв мирового целого, воссоединить идеальное с реальным» [2, с.4]. Андре Баррьер считает Дон Жуана философом, находящимся в постоянном поиске идеала, некой «квинтэссенции» женственности и красоты. Любовь Дон Жуана – модель подсознательного стремления к счастью, попытка проникнуть в суть бытия «обретением неземного блаженства посредством слияния с Божественной субстанцией».

Таким образом, идеи эпохи Просвещения, оказавшие влияние на общественную жизнь в целом, продолжают доминировать. Они разрушили социально–экономические, политические и духовные структуры и заставили по-новому взглянуть на взаимоотношения полов. Сфера сексуальности привлекла внимание огромного количества исследователей различных областей (медицины, социологии, психологии, культурологии, философии).

В современном техногенном мире, характеризующемся углублением утилитаризма и прагматизма, особо остро стоит проблема бездуховности. Рационализм, научно–технический прогресс, индустриализация поставили человека в условия безличностного существования. Человек – «винтик в огромном механизме». М. Фуко пишет: «может быть, следовало бы сказать, что в мире, где не осталось ничего святого, сексуальность оказывается единственно возможной сферой разделения чувств» [6, с.114].

«Освобождённая» материализмом философов–просветителей сексуальность, теперь ещё и отделённая от репродуктивной функции характеризуется следующими признаками: эмансипацией и трансформацией (М. Фуко, И. С. Кон, Э. Гидденс), нормализацией альтернативных стилей чувственности (Н. Савченкова, И. С. Кон, Ж. Жене), стремлением к духовности (Ю. Кристева, С. Кьеркегор, Ж. Батай). В. Анурин, основываясь на анализе работ, посвящённых «сексуальной революции», выделил следующие черты: стирание двойного стандарта в половой морали, усиление открытости сексуальной сферы, коммерциализация секса, повышение толерантности к добрым (также внебрачным – *дополн. автора*) половым отношениям, повышение толерантности к нетрадиционным формам совершения полового акта, также к гомосексуализму, расширение разнообразия сексуальной практики [1].

Необходимо отметить влияние романтизма, экзистенциализма и сюрреализма. Сексуальное разнообразие, ранее расценивавшееся как извращение, теперь понимается как стремление выйти за пределы обыденности, познание себя и мира и даже поиск духовности. «Мы думали, что теряем себя безвозвратно, а на самом деле реализуем собственную сущность, становимся тем, кем должны быть» – пишет Ж. Батай [5, с.36].

Разрушение прежней парадигмы позволило усилить влияние восточных культур (Индии, Китая, Японии) на сексуальность европейского человека. Изменяются ценностные категории: от витальных, репродуктивных, культурных, моральных акцентуация смещается к эмоциональным, коммуникативным и метафизическим. Секс – не цель, а средство, путь движения и развития души, способ духовного сближения (Камасутра).

Таким образом, в связи со сменой парадигм в культуре наблюдается изменение отношения к проблеме сексуальности. На первый взгляд может показаться, что человечество падает в бездну бездуховности, «проживания жизни». Но «освобождённая сексуальность» начала своё перемещение из сферы природной чувственности в сферу духовности. Сексуальность – это не только генитальное взаимодействие, физиологические процессы, техники, манипуляции, дающие наслаждение, это инструментальная сторона эротики, целью которой является достижение экстатического восторга, радости, усиление чувства искренней любви: «В обширном потоке вещей я и ты – это только пункт остановки, благоприятной для того, чтобы снова забила жизнь» [6, с. 36].

Источники и литература

1. Анурин В. Сексуальная революция на марше/ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб.: Питер, 2004.
2. Гофман Э.Т.А. Новеллы. – М.,1983.
3. Максимов В. Между Рококо и Романтизмом по ту сторону добра и зла/ Маркиз де Сад. Насмешка судьбы. – СПб., 2005.
4. Мирская Л. Эрос и соблазн. Ростов–на–Дону, 1997.
5. Сартр Ж.П. «Один новый мистик» /Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века.– СПб.: Мифрил, 1994.
6. Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.,1994.